

В.Я. Шишков

Ватага

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ш65

Ш65 **Шишков В.Я.**
Ватага / В.Я. Шишков – М.: Книга по Требованию, 2023. – 105 с.

ISBN 978-5-458-03370-1

1919 год. Гражданская война перевалила Уральский хребет и окатила кровавым приливом сибирские просторы. Коренной чалдон Степан Зыков возглавил отряд партизан и отбил у колчаковцев уездный городок, помог поднявшим мятеж большевикам и... был расстрелян красноармейцами вместе с женой на пороге собственного дома...

ISBN 978-5-458-03370-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023
© В.Я. Шишков, 2023

Вячеслав Яковлевич Шишков
Ватага

Глава 1

— Здорово, хозяйюшка. А где сам-то? — Один — усатый, другой — щупленький парнишка с птичьим лицом остановились в дверях, с ног до головы облепленные снегом.

Высокая чернобровая Иннокентьевна, в черной кофте, черной кичке, как монахиня, подала им веник:

— Идите, отряхнитесь в сенцах. Нету его. В бане он.

— Может, скоро придет? — спросил одетый по-городски парнишка.

— А кто его знает. Поглянется — до петухов просидит. Париться дюже горазд.

А вы кто такие?

— Из городу. По экстренному делу. Вот бумага.

Вскоре оба пошагали к бане, в самый конец огромного двора.

Весь двор набит заседланными конями и народом. Горели три больших костра, было светло, как на пожаре.

Из бани выбежал голый чернобородый детина, кувырнулся в сугроб и, катаясь в глубоком снегу, гоготал по-лошадиному.

— Он, кажись, — сказал усач. — Товарищ Зыков, ты?

— Я, — ответил голый и поднялся.

Он стоял по колено в сугробе. От мускулистого огромного тела его струился пар. Городскому парнишке вдруг стало холодно, он задрал кверху голову и изумленно смотрел Зыкову в лицо.

— Мы, товарищ Зыков, к тебе, — сказал усач. — Да пойдем хоть в баню, а то заколеешь.

— Говори.

— Город в наших руках, понимаешь... А управлять мы не сможем. Вот, к тебе...

— Вы не колчаковцы?

— Тьфу! Что ты... Мы за революцию.

Зыков от холода вздрогнул, лякнул зубами:

— Айдайте в избу. Я сейчас... — И легким скоком, как олень, побежал в баню.

В бане, словно в аду: пар, жиханье обжигающих веников, гогот, ржанье, стон.

— Хозяин, берегись!

В раскаленную каменку широкоплечий парень хлобыснул ведро воды. Шипящим бешеным облаком белый пар ударил в потолок, в раму: стекло дзинькнуло и вылетело вон.

— Будя! — заорали на полке и кубарем вниз головой. — Людей сварить, чорт... ковшом надо... А ты чем! Чорт некованный.

— Живчиком оболочайтесь, — приказал Зыков. — Гости из городу. Дело будет.

Сотник, десятник, знаменщик быстро стали одеваться.

В просторной горнице с чисто выбеленными стенами было человек двадцать. Бородатые, стриженные по-кержацки, в скобку, сидели в переднем углу на лавках. Лампа светила тускло, все они оказывали на одно лицо. Это кержаки стариковского толку. Рядом с ними, до самых дверей — крестьяне среднегодки и молодежь. Тепло. Шубы, меховые азямы навалены в углу горой. Под образами, за столом

— два гостя и хозяин с хозяйкой — пьют морковный чай. Вместо сахара — мед. От сдобы и закусок ломится стол.

Городской парнишка в пиджаке вынул кисет и трубку.

— Иди-ка, миленький, во двор: мы табашников не уважаем, — ласково и, чуть потряхнув головой, сказала хозяйка.

Парнишка вопросительно поднял на нее глаза, она ответила ему веселым, но строгим взглядом, парнишка покраснел и спрятал кисет в штаны.

Вместе с клубами мороза вошло еще несколько человек.

— Все? — окинул хозяин собрание взглядом.

— Телухина нет.

— Телухина я отпустил на три дня домой, в побывку, — сказал хозяин. — Вот, братаны, из городу комиссия. При бумаге, форменно. Дай-ка, Анна, огарок сюда.

Иннокентьевна зажгла толстую самодельную свечу. Хозяин неуклюжими пальцами взял со стола бумагу:

— А ну, братаны, слушай.

Все откашлялись, выставили бороды, смолкли.

Зыков, шевеля губами, сначала прочел бумагу про себя. Городские не спускали с него глаз.

В синей рубахе, плотный и широкоплечий, он весь — чугунок: грузно давил локтями стол, давил скамью, и пол под его ногами скрипел и гнулся.

— Кха! — густо кашлянул он, комариком кашлянул пустой стакан и кашлянуло где-то там, за печкой.

«Начальнику партизанского отряда тов. Зыкову по экстренному делу в собственные руки просьба», — начал он низким грудным голосом.

«Товарищ Зыков и вы, партизанские орлы. Вследствие того, как по слухам красные войска перевалили Урал и берут Омск, а в Тайге восстанье, мы большевики вылезли из подполья и сделали переворот и забрали власть в руки трудящих. Как попы, которые организовали дружины святого креста для погрома, так интеллигенты и буржуи посажены в острог, а которые окончательно убиты и изгнаны из пределов городской черты. Вследствие того как нас большевиков мало и сознательный городской элемент в незначительном размере, то гидра контр-революции подымает голову. Необходим красный террор и красная паника, иначе нас всех перережут, как баранов, и нанесут непоправимый ущерб делу свободы. Белые дьяволы, колчаковцы с чехо-собаками или прочая другая шатия вроде мадяров с лигионом польских уланов полковника Чумо, они белогвардейцы того гляди пришлют отряд и захватят нас живьем врасплох. Ежели вы не подадите немедленную помощь, это будет с вашей стороны нож в спину революции. Остальное по пунктам об'яснят вам наши делегаты, товарищи Рыжиков и Пушкарев».

— Подписано — председатель Временного комитета Революционного переворота А. Тр... — Зыков замаялся, наморщил нос, прищурился.

— Александр Трофимов, — подсказал усач.

— А-а... Ну-ну... Знаю Сашку Трофимова. Ничего...

Наступило минутное молчание. Все выжидательно пыхтели. Зыков как бы раздумывал, наконец, сказал: — Та-а-к, — отложил бумажку, дунул на свечку и прижал светильню пальцами, как клещами. Открытое, смелое с черной оклади-

стой бородой лицо его было красно и потно. То-и-дело он вытирался рушником.

— Ну, как, братаны? Печать и все... Бумага форменная, — и стальные, выпуклые с черным ободком глаза его уперлись в зашевелившиеся бороды.

— Надо подмогу дать, — тенористо, распевно сказала чья-то борода, и из полумрака сверкнули острые глазки.

— Главная суть в том, товарищи партизаны, — начал городской усач и зарубил ладонью воздух, — взять-то мы власть, конечно, взяли, а чтоб пустить машину в ход — гайка слаба. Например, крепость, конечно, в ихних руках, там десятка три солдатни с комендантом. Конечно, мы ее обложили, но мало ли какие могут произойти противоположные последствия, вы сами понимать должны, раз мы, почитай, без всякого вооружения. Надо организовать питание, надо устроить связь с центром, мы же ничего не знаем, сидим, как на острове, перед носом, значит, крепость, а граждане неизвестно в каких мыслях. Нужен, конечно, красный террор, в первую голову. Например, Красная армия, ежели где ущемит эту белую банду, перепиливают напополам, отрубают руки, носы, вытыкают глаза, с живых сдирают кожу...

— Врешь, — удивленно перебил хозяин. — Ране они этого, говорят, не допускали. Откуда знаешь?

— Из газет, — враз сказали городские. — В газетах в ихних же, в колчаковских, в Томском печатают.

— Вот, — и парнишка выхватил из пиджака свернутую газету, посыпалась махорка, Иннокентьевна плюнула и сердито вышла.

— Ладно, не помрешь, отмолишь, — сказал ей вслед Зыков и поднес газету к глазам.

— Вот, читай: «Зверства красных», — указал парнишка.

Хозяин, двигая густыми черными бровями, зычно и медленно прочел. Все бороды ошетинились, рты открылись, потекла слюна.

— Эту тактику красных героев и вам, товарищи, надо перенять. Тактика, конечно, верная, — сказал усач, прожевывая шаньгу с медом.

Среди горницы, в желто-сером полумраке стоял с нагайкой в руке корявый, большеголовый парень. Ноздри его вздернутого носа злобно раздувались, черная папаха сдвинута на затылок. Он ударил нагайкой в крашенный пол и простуженной глоткой гнусаво задудил:

— А слышали, что чехо-собакам самолучшая земля Колчаком обещана, крестьянская? Вроде помещиков будут. За то, что нашу кровь льют... Слышали?

— Слышали.

— Не бывать тому! — хлестнул он нагайкой. — Кто они, растуды их? Откуль взялись? По какому праву?

— Приблуды-дыши!..

— А слышали, как нашу Мельничную деревню белый отряд живьем сожжет? Большевиками прикинулись. «Мы, мол, красные, преследуем белую сволочь, укажите, куда белые ушли, мы их вздрючим. Вы, ребята, за кого, за нас, за красных?» — «За красных». — «Вся деревня?» — «До единого». Отошли, да и грохнули из пушек. Ночь, пожар. Ни одного человека не осталось. Слышали? — Голос его дрожал, всхлипывал и рвался.

— Слышали, слышали...

— Ага! Вы только слышали, а мои батька с маткой да братишки изжарились,

костей не соберешь. Э-эх! — он грохнул папаху о пол, засопел, засморкался и кривобоко, пошатываясь и скуля, пошел к двери.

А на дворе светло и весело: огни костров мазали желтым окна, с присвистом и гиком ломилась в стекла песня, тихо падал снег.

В горнице молчали. Только слышались позевки и вздохи, да сердито скреб жесткую, как проволока, давно небритую щетину на щеке городской усач, — щетина звенела. Хозяйка перетирала посуду и, вскидывая носом вверх, звонко икала, словно перепуганная курица.

— Зыков! Батюшка Зыков, отец родной... Защиты прошу. — Парень с нагайкой опять шагнул от двери и, раскорячившись, повалился в ноги Зыкову. — Весь корень наш порешили... Сестренку четырех лет, младенчика...

— Ладно, — сказал хозяин. — Встань.

Парень вскочил и словно взбесился.

— У-ух! — он опять хватил папаху об пол и стал топтать ее каблуками, как змею. — В куски буду резать. Кишки выматывать... Только бы встретить... Кровь, как сусло, потекет... У-ух!.. Зыков, коня! Коня давай!! — и с лицом, похожим на взорвавшуюся бомбу, он саданул каблуком в дверь и выбежал.

Кто-то хихикнул и сразу смолк.

— Вот до чего довели народ, — тихо сказал Зыков. Он задвигал бровями, густыми и черными, похожими на изогнутые крылья, и глаза его скосились к переносице.

Изба замерла.

— Утром, по рожку, седлать коней. Четыре сотни, — как молот в железо, бухали его слова. — Выючный обоз. Два пулемета. До городу сто двадцать верст. Через десять верст дозорных и пикеты связи. Пятая и шестая сотня здесь, под седлом. Тринадцатой и одиннадцатой сотне, что на заслоне к Бийску, отвезть приказ: до меня сидеть смирно, набегов ни-ни. А то ерунды напорют.

— Кто отряд в город поведет? — поднялся и подбоченился Клычков.

— Сам, — резко ответил хозяин и покосился на жену.

— Сам, сам... — с сердцем сунула она пустую кринку. — Башку-то свернут... Вояка. Сам! — и по ее сухому строгому лицу промелькнули тенью печаль и страх.

— Брось, не впервой, — ласково, жалеючи, сказал Зыков.

Он поднялся во весь свой саженный рост и накинул на одно плечо полушубок:

— В моленную!.. Которые стариковцы — айда за мной.

Снег все еще падал, пушистый и пахучий. Похрюкивали свиньи, где-то над головами прогорланил ночной петух, отфыркивались кони.

Приударь, приударь!

Еще разик приударь!..

Песня и хохот у костра возле ворот разрывали и толкли желто-белую мглу ночи.

— Детки, потише вы. Шабаш! Эй, которые стариковцы... В моленную!

Моленная — в нижнем этаже. Там же, в каморке, в боковуше, живет отец Зыкова, кержацкий кормчий, старец Варфоломей.

В моленной тьма. Пахло ладаном, ярим воском и неуловимой горечью слез и вздохов. Вздохи и шопот молитв повисли, запутались в тайных углах и ждали.

Зыков высек о кремень искру, затлелся трут, и во тьме, как светлячки, заколыхались сонные огни свечей.

Стены были темные, прокоптелые, воздух темный. Серебряные венчики потемневших стародавних икон сонно заблестели, и Нерукотворный Спас, сдвинув брови, скорбно смотрел желтыми глазами Зыкову в лицо.

— Господи Иисусе Христе, помилуй нас, — глубоко вздохнув, смущенно прошептал Зыков; он на цыпочках пересек моленную и открыл дверь в боковушу. — Родитель батюшка...

Старик спал на спине. Широкая, седая борода его покрывала грудь. Руки сложены крестообразно, как у покойника. Большая свеча возле настенного образа чадила, отблеск света елозил по оголенному черепу старца. На аналое — толстая, с застежками книга. В углу стоит кедровая колода-гроб. На крышке черный восьмиконечный крест.

Зыков снял со свечи нагар и внимательно всмотрелся в лицо отца.

— Спит.

Народ прибывал. В моленной полно. Запахло кислятиной промокших овчин, луком и потом.

Шорохом ширился шопот, и повертывались кудластые головы к келье старца.

— Отцы и братия, — появился Зыков с зажженной свечей в руке. — Родителю недужится, почивает. Совершим чин без него, соборне, еже есть написано.

И ответил мрак:

— Клади начал. Приступим с верою и радением. Аминь.

Натыкаясь вслепую друг на друга, — только маленькие оконца багровели, — кержаки сняли с гвоздей лестовки, разобрали коврики-подручники — с ладонь величиной, что подстилают под лоб при земных поклонах, и чинно встали на места.

Возгласы чередовались с пением хором, вздохи — с откашливаньем и стенаьем. Сложенные двуперстно руки с азартом колотились в грудь и плечи, удары лбами в пол были усердно-гулки.

Зыков кадил иконам, кадил молящимся, внятно читал с завойкою по книге. Чмыкали носы, по бородам катились слезы. У Зыкова тоже зарябило в глазах: Нерукотворный Спас взирал на него уныло.

— Трижды сорок коленопреклоненно, Господи помилуй рцем...

И мололи тьму и сотрясали кедровый пол бухавшие земно великаны.

Благочестивое пыхтенье, вздохи, стоны прервал громкий голос Зыкова:

— Помолимся, отцы и братия, от всея души и сердца, по-своему, как Господь в уста вложил.

— Аминь.

Он устался взором в строгий Спасов лик, воздел руки, запрокинул голову, — черные волосы взметнулись:

— О, пречестный Спасе, заступниче бедных и убогих. Разожги огонь ярости в сердцах наших, да падут попы-никонианцы-табашники и все власти сатанинские от меча карающего. Да соберем мы веру свою правую, и сохраним, и нерушимо укрепим. Как ты, Спасе и Господи, гнал вервием торгующих из храма, так и меч наш карающий с дымом, с кровью пронесется над землей. Верное воинство твое — дружину нашу — спаси и сохрани во веки веков...

— Аминь... Во веки веком... Спаси сохрани... — засекло набухший вздохами воздух.

Зыков земно поклонился Спасу, встал боком за подсвечник и, подняв руку,

бросил в гущу склонившихся голов:

— И опять, вдругерядь, требую клятвы от вас. Зачинаем большое дело, дружина наша множится, как песок, и работы впереди — конца-краю не видать. Клянись всечестному образу: слушаться меня во всем — все грехи ваши я на себя беру — я ответчик! Клянись — не пьянствовать... Клянись — бедных, особливо женщин, не обижать. Клянись...

И враз загудела тьма, как девятый вал:

— Клянемся...

И никло пламя у свечей:

— Клянемся.

— Клянись стоять друг за друга, стоять за правду, как один, даже до смерти. Клянись... Все клянись!..

— Клянемся... Все!..

— Теперича подходи смиренно с лобызанием.

А когда моленная опустела, Зыков притушил до единой все свечи и зашагал чрез тьму, суеверно озираясь. Кто-то хватал его за полы полушубка, кто-то дышал в затылок холодом, по спине бегали мурашки.

В лице быстро сменилась кровь, и сердце окунулось в тревожное раздумье:

«Так ли? Верен ли путь мой? Не сын ли погибели расставляет сети для меня?» — шептал он малодушно.

И, опрокидывая все в своей душе, Зыков кричал, кричал без слов, но громко, повелительно:

— Нет! Христос зовет меня... Народ зовет...

Костры во дворе померкли. У глубоких нор, у землянок и зимников, где коротали морозное время партизаны, в лесном раскидистом кольце за заимкой, пересвистывались дозорные, сипло взлаивали сторожевые псы.

Зыков вскочил на коня — ему надо крепко обо всем подумать, побыть наедине с собой, среди сонного леса, среди омертвевших гор, — ударил коня нагайкой и поехал в бездорожную глухую мглу.

А в бездорожной безглазой мгле, выбравшись на знакомый большак, ехали обратные путники — усач и парнишка. Ехали в радости: сам Зыков идет им на подмогу.

Старец Варфоломей пробудился от сна и творил предутреннюю молитву, истово крестясь.

Анна Иннокентьевна, укрывшись заячьим пятиаршинным одеялом, одиноко глотала слезы.

После третьих петухов заскрипела дверь, и Зыков встал против старика-отца.

— Батюшка-родитель, благослови в поход, утречком.

Старец Варфоломей в белых портах и в белой, по колению рубахе, весь белый, угловатый, сухой, сел на кровать и, обхватив грудь, засунул ладони под мышки.

— Руки твои в крови. Пошто докучаешь мне, пошто не дашь умереть спокойно? — слабым, но страстным шопотом проговорил старик.

— Кровь лью в защиту бедных и обиженных... Так повелел Христос, — убежденно возразил сын.

— Замолчи, еретник! Засохни. — Старец зловецом угрожал перстом. — Рече Господь: подъявый меч от меча погибнет. Чуешь?

— Неизвестно, что бы теперича сказал Христос, — стараясь подавить заки-